

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сы Х. — Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова //

Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40597 EDN: SKSDUY URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40597

Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова

Сы Хунфэн

аспирант, кафедра русского языка, Южный федеральный университет

344010, Россия, Ростовская область, г. Ростов На Дону, ул. Зорге, 21

✉ jerry_on_don@qq.com

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.4.40597

EDN:

SKSDUY

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2023

Дата публикации:

29-04-2023

Аннотация: В статье представлен анализ способов представления внутренней речи в повестях и рассказах А.П. Чехова, изображающих семейную коммуникацию героев. Цель данного исследования заключается в изучении вводящих внутреннюю речь глагольных лексем с общим значением речевой деятельности, их семантики и функций в изображении речи как составляющей семейного общения в рассказах зрелого периода творчества А.П. Чехова. В основе исследования принципы и основные положения структурно-семантического и функционального подхода; теории концептуализации и языковой репрезентации; теории лингвокультурологии; теории художественного текста и дискурса, а также теоретические основы семейной коммуникации. В ходе исследования было установлено, что основным приемом, используемым Чеховым для передачи внутренней речи, является несобственно-прямая речь, которая служит для объединения и интерференции модусов автора и персонажа во внутренней речи героя. В тех чеховских текстах, где повествование идет от первого лица, в большинстве случаев используются глаголы, передающие внешнюю речь в диалогической семейной коммуникации. Внутренняя речь в данных рассказах не является типичной и встречается

редко. Большинство прототипических глаголов (сказать, говорить) имеют квалификаторы, передающие эмоциональное, психологическое состояние или физическое положение героя во внутрениречевой ситуации.

Ключевые слова:

внутренняя речь, несобственно-прямая речь, коммуникация, семья, рассказы, теория языковой репрезентации, передачи внутренней речи, глагол речи, текст в тексте, диалог глухих

Основной работой, посвященной проблемам коммуникации у А.П. Чехова, является монография А.Д. Степанова, в которой в свете теории речевых жанров рассматривается изображенная коммуникация, «слово героев» [\[5, с. 37\]](#). Ученый замечает, что наибольший интерес «представляют внутренне диалогизированные тексты, в которых (особенно в так называемый "объективный" повествовательный период (см. 11. С. 61-87) осуществляется интерференция слова героя и повествователя, как это происходит у позднего Чехова» [\[5, с. 37\]](#).

Внутренняя речь изображается в прозаических произведениях с помощью разных репрезентологических единиц: прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Особое место в ряду способов передачи чужой речи занимает несобственно-прямая речь. О.А. Прохвятилова указывает, что «несобственно-прямая речь – это особая форма передачи чужого слова в художественном тексте.» [\[4, с.121\]](#). В качестве примера можно привести эпизод из повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Михаил, главный герой повести, без лишних слов, очень чутко понимает суть и причины душевных переживаний Маши:

«А Маша все время глядела так, будто очнулась от забытья и теперь удивлялась, как это она, такая умная, воспитанная, такая опрятная могла попасть в этот жалкий провинциальный пустырь ...» [\[9, с. 203\]](#)

Это выражение в несобственно-прямой речи того, что творится в Машинной душе, одновременно прочитывается как испарение любви. Введенная автором несобственно-прямая речь является средством переключения нарратива в план персонажной экзистенции. И это «соотносится с особой художественной манерой писателя и его установкой на объективный тип повествования, в котором устранена субъективность повествователя и господствует точка зрения и слово героя» [\[2, с.67\]](#). Чехов использует несобственно-прямую речь для достижения диалогичности, чтобы преодолеть разрыв между авторской монологичностью и зависимостью персонажа, эстетически ограниченного авторской объективацией вымышленного нарратива. Это создает экзистенциальную сцену для полноценного диалога как автора и персонажа, так и читателя, которого приглашают присоединиться к ним. Таким образом, Чехов умышленно вкладывает множественные толкования, которые пропорциональны качеству произведения. В том числе и феномен подготовленного читателя, который может расшифровать сложный контекст, также является неотъемлемой частью данного подхода. Некоторые читатели, которые не обладают достаточным опытом и знаниями, могут увидеть в произведении просто банальность, соответствующую канонам жанра массовой культуры. В то же время более опытные читатели могут увидеть за поверхностью жанровых элементов глубинную уникальность авторского смысла. Чехов продвигает плюрализм трактовки текста, который проистекает из принципа «текст в тексте».

Суть принципа «текст в тексте» заключается в том, что происходит разрыв между реальностью и её авторским отображением в тексте, а следовательно и персональной картиной мира. В то же время данное противопоставление содержит идею о преодолении разрыва между субъектной позицией автора, отделенного от реальности, и окружающим миром. В заключительной части повествования автор через Машу Должикову выражает свою собственную позицию: *«Искусство дает крылья и уносит далеко-далеко!»* [\[9, с. 259\]](#).

В этом высказывании сокровенная вера Чехова-художника, его символ веры за пределами всех политических теорий, мировоззренческих конструкций, научных концепций. В этом смысле можно говорить, что Чехов стоит на позициях «диалогичности», «полифоничности», «децентрации авторской монополии», которые сохраняют в значительной степени оценочный, метафорический оттенок.

Чеховская поэтика не пропагандирует субъективность «я», которая отрицает возможность образования единого «мы». Чехов верит, что путь к решению этой дилеммы лежит в открытии реальности, где «я» и «другой» могут сливаться в единое «мы» на основе любви. В этом смысле чеховский подход характеризуется отказом от явной вымышленности и излишней изысканности в пользу автобиографичности, практически документальной точности в отображении реальности, включения деталей повседневности и обыденной разговорной речи.

Таким образом, в чеховском повествовании функция косвенной речи заключается в том, чтобы создать контраст между автором и персонажем и в то же время дать автору возможность активно участвовать в жизни персонажа. Чехов не претендует на тотальный этический авторитет и не навязывает свою окончательную точку зрения. Использование несобственно-прямой речи позволяет ему преодолеть разрыв между доминированием авторской этической монологичности и зависимостью персонажа. В результате создается лишенная драматической рамочности уникальная экзистенциальная сцена, на которой автор и персонаж могут вести полноценный диалог, к которому подключается и читатель.

Существует три основных формы проявления интраперсонального общения. Внутренний монолог, который представляет собой однонаправленное общение индивидуума с самим собой. Последовательность взаимосвязанных высказываний, порождаемых говорящим и воспринимаемых им же – внутренний диалог. Короткие же и невзаимосвязанные высказывания, которые встречаются в неречевых ситуациях или являются внутренним комментарием к воспринимаемой внешней речи или реакцией на предшествующую ситуацию, называются простым внутренним реплицированием. Например:

«- Итак, господа, что же мы сделаем? – спросил я, выждав паузу

- Да, да... - забормотал Иван Иванович. – Так, так, так...

«Ну с этой слякотною развалиной каши не сваришь», - подумал я и почувствовал раздражение» [\[7, с. 464\]](#).

В данном фрагменте произведения герой реагирует на слова собеседника, и его критика речевого поведения становится центральной темой внутреннего реплицирования в прямой речи.

Понятие внутренней речи относится к различным формам речевых процессов, которые происходят в уме персонажа в художественном произведении и не предназначены для коммуникации с реальным собеседником. Существует несколько форм, как можно представить внутреннюю речь, которые связаны с системой репрезентологических

единиц. В эту систему входят прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Внутренняя речь персонажей характеризует собой то, что происходит в их умах и передается читателю в литературном произведении с помощью разнообразных приемов. Она является результатом трансформации, которая позволяет иллюстрировать психологическую природу персонажей и описать их мысли и чувства.

В создании психологической прозы внутренняя речь персонажей получила свой языковой стиль и стала отдельным элементом, отличным от речи автора. В литературном произведении автор может выбирать явный или более скрытый способ представлять внутреннюю речь персонажей.

Первый способ представления внутренней речи персонажей в произведении не требует использования специальной языковой техники. Второй способ заключается в использовании специальных приемов, которые позволяют автору представить мышление своих персонажей в реалистичной манере.

Внутренняя речь в художественных произведениях отличается от внешней речи некоторыми признаками. Чтобы указать на то, что персонажи начинают думать или говорить «про себя», в предложениях используются лексические единицы, такие как глаголы, имена существительные, которые указывают на то, что персонажи заняты мыслительными процессами. Эти лексические единицы не только переводят повествование в субъективный план, но и устанавливают связь между внутренней речью персонажа и повествованием. Они помогают читателю войти во внутренний мир героя и показать, что происходит «внутри» него. Все это осуществляется через интроспективный показ действующего лица.

Типичными лексическими единицами, вводящими внутреннюю речь персонажей в рассказах А.П. Чехова позднего периода, являются глаголы или устойчивые сочетания со значением мысли/чувства: *подумал (думал), убеждал себя, говорил себе, стала думать, в воображении* и т.п.

Также в авторском повествовании от третьего лица используются конструкции, построенные по модели «казалось, что» и «старалась (старался) понять, что.. .», где внутренняя речь персонажа представлена в объективированном авторском нарративе. «Петру Михайлычу показалось нелепым, что тетка вмешивается в чужие дела и свой отъезд ставит в зависимость от того, что ушла Зина» [\[8, с. 57\]](#)

Заметим, что не в каждом рассказе автор вводит внутреннюю речь персонажей, так как иногда не требуется выделять образ речи в качестве элемента характеристики персонажа. Например, в рассказах «В усадьбе» и «Попрыгунья» писатель практически не использует внутреннюю речь, но все же выражает мысли, чувства или действия персонажей через описание ситуаций, что предполагает подразумеваемую речь героя. Например: «Было стыдно. Раздевшись, он поглядел на свои длинные жилистые старческие ноги и вспомнил, что в уезде его прозвали жабой и что после всякого длинного разговора ему бывало стыдно...» [\[8, с. 340\]](#)

Общение героини и ее мужа в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» можно охарактеризовать как «диалог глухих». Особенно чётко это прослеживается в эпизоде финального разговора, когда Дымов подозревает жену в измене. Опасаясь того, что жена покинет его, герой боится открыто обвинить ее. Героиня не способна понять истинные чувства своего мужа, счастливо рассказывающего об успешной защите своей диссертации. Однако во время разговора с Рябовским она понимает все, хотя в речи

художника было большое количество непонятных обывателю слов: **«чем он непонятнее говорил, тем легче Ольга Ивановна его понимала»**. В чем же причина, того, что Ольга Ивановна с полуслова понимает любовника, но совершенно не может найти общий язык с собственным мужем? Очевидно, причина в том, что героиня любит художника и доверяет ему.

Именно через внутреннюю речь Ольги Ивановны мы понимаем, насколько ущербно положение дел в семье Дымовых, что также относится и к роману героини с Рябовским: никто из героев не уверен до конца в своих чувствах и мыслях. Внутренняя речь героини в финале рассказа заменяется молчанием, потому что внешняя речь неискренна, она еще более отдаляет близких людей. «В чеховском рассказе общение Ольги Ивановны с мужем после ее измены является собой сплошной обман» [\[1, с. 147\]](#).

В повествовании от первого лица внутренняя речь не часто встречается или отсутствует вовсе, поскольку повествующий является одновременно и рассказчиком, и героем, как, например, в рассказе «Страх». Автор не называет персонажа, от имени которого ведется повествование, хотя в подзаголовке «Рассказ моего приятеля» есть намек на связь автора и героя. Взаимоотношения героя с Дмитрием Петровичем характеризуются как дружеские, на лексеме «дружба», «друг» настаивают и муж, и жена. Тем не менее, сам рассказчик отрицает такие близкие связи с супругами, поскольку влюблен в Марию Сергеевну. Жизненное кредо героя проявляется в его внутренней речи, которая возникает в ответ на реплики второстепенного персонажа, известного под прозвищем Сорок Мучеников:

*«Жизнь, по его мнению, страшна, – **думал я**, – так не церемонься же с нею, ломай ее и, пока она тебя не задавила, бери все, что можешь урвать от нее».*

*На террасе стояла Мария Сергеевна. Я **молча обнял ее** и стал жадно целовать ее брови, виски, шею...*» [8 с.137].

В тексте проявляется связь между невербальным поведением героя и его внутренней речью. Хотя он чувствует неловкость в отношениях с мужем и Марией Сергеевной, герой не признается в своих чувствах и молча «берет» женщину, действуя под влиянием животных инстинктов.

Типичным способом введения внутренней речи в рассказах А.П. Чехова можно назвать сочетание прямой и несобственно-прямой речи. Такие фрагменты текста могут включать в себя передачу внутреннего диалога через косвенную речь, где иницирующие реплики идут в несобственно-прямой речи, продолжение – в прямой речи, а финальная реплика – вновь в несобственно-прямой речи, например: «... и все время **думал о том, что это невыносимое состояние не может продолжаться вечно и что надо его так или иначе кончить**.

«Но как же? Что же сделать?» - спрашивал он себя и умоляюще поглядывал на небо и на деревья. Как бы прося у них помощи. [\[8, с 54-55\]](#).

В несобственно-прямом дискурсе, о котором пишет Е.А. Попова, «повествователь делает доступным для читателя самые сокровенные мысли и чувства своих героев» [\[3, с. 15\]](#).

В рассказе А.П. Чехова «Именины» преобладают внутренние монологи и диалоги, а также внутренние реплики-реакции главной героини Ольги Михайловны на высказывания других персонажей, прежде всего ее мужа Петра Дмитрича.

Все это вызвано основополагающей задачей автора: продемонстрировать читателю «честную» натуру, которая бы выступала противоположностью «лживой» сущности человека. В тексте преобладают глаголы и отглагольные существительные, относящиеся к тематической группе «интеллектуальная деятельность»: *стала думать, воображение, подумала, думала* и под.

Вывод о том эмоциональном состоянии, в котором пребывает героиня во время разговора с Дымовым, можно сделать, обратившись к тем лексемам, которыми характеризуется ее речь: *бормотала, недоумевала, ужаснулась, возмутилась* и под. Семантика глаголов, вводящих внутреннюю речь, предстает маркером скандала в семейных отношениях. По определению Игоря Сухих, «скандал – нарушение обыденной, естественной логики, правил хорошего тона, однако, в свою очередь подчиняющееся другим нормам и тем самым становящееся культурным стереотипом и речевым жанром» [6, с. 255].

Муж героини, Петр Дмитрич, не обладает внутренней речью, и его реплики звучат так, словно он играет роль. Даже в отношении жены он выступает риторически. Трагический конец истории приводит к внутренним изменениям героя. Он хотел что-то сказать, но не мог, его страдания свидетельствуют о любви к Ольге Михайловне.

Автор использует внутреннюю речь персонажей и отсутствие её, чтобы выразить свою оценку и отношение к героям. В рассказе «В усадьбе» Чехов лишает главного героя, Павла Ильича Рашевича, внутренней речи, что говорит о его некоммуникабельности и непонимании близких: «*Ему самому хотелось говорить. Если при нем говорили другие, то он испытывал чувство, похожее на ревность*» [8, с. 338]. Чтобы охарактеризовать персонажа, Чехов использует глаголы, относящиеся к семантическому полю «речевая деятельность», а также прибегает к эмоционально-оценочным квалификаторам: *говорил, продолжал, проговорил он радостно тонким голосом* и под.

В свою очередь, изменения во внутреннем состоянии персонажа, проявившем грубость по отношению к собеседнику, автор показывает, вводя невербальные маркеры: «*бормотал Рашевич, отплевываясь; ему было неловко и противно, как будто он поел мыла*»; «*вздыхал он, лежа под одеялом*»; Персонаж лишен внутренней речи, но тем не менее авторская позиция ясна: на искренние чувства способен каждый человек.

Заключение

А.П. Чехов использует разнообразные способы передачи внутренней речи в своих рассказах, но основным является несобственно-прямая речь, которая предстает как во внутренних монологах и диалогах персонажей, так и в простом реплицировании. Этот тип речи характерен для повестей и рассказов писателя, в которых повествование ведется от третьего лица, где граница между планом автора и персонажа размыта, что требует объединения и интерференции модусов во внутренней речи героя. Типичными лексемами, вводящими внутреннюю речь персонажей в рассказах А.П. Чехова позднего периода являются глаголы или устойчивые сочетания со значением мысли/чувства: *подумал (думал), недоумевал, спрашивал себя в отчаянии, убеждал себя, говорил себе, стала думать, в воображении, мелькнуло в ее мыслях* и т.п.

В тех чеховских текстах, где повествование идет от первого лица, в большинстве случаев используются глаголы, передающие внешнюю речь в диалогической семейной коммуникации. Внутренняя речь в данных рассказах не является типичной и встречается редко. Единичны глаголы, характеризующие речевую деятельность: *бормотать и шептать*

, а также глагол лексико-семантической группы звучания – *кричать*. Большинство прототипических глаголов (*сказать, говорить*) имеют квалификаторы, передающие эмоциональное, психологическое состояние или физическое положение героя во внутренинречевой ситуации.

Библиография

1. Коростова С.В., Сы Хунфэн Особенности речевого поведения персонажей рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья» // Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции «Речь. Речевая деятельность. Текст», посвященной памяти профессора Галины Геннадиевны Инфантовой / под ред. Н.А. Сениной Таганрог. 2020, с. 142-149
2. Онипенко Н.К. Объяснительные возможности лингвистического анализа прозы А.П. Чехова. / Н.К.Онипенко. // Гуманитарная парадигма, 2020. №3 (14). С.67-С.85 URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/obyasnitelnye-vozmozhnosti-lingvisticheskogo-analiza-prozy-a-p-chehova> (Дата обращения: 29.03.2022).
3. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы. В 2 частях. Часть 2. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. – 283 с.
4. Прохвятилова О.А., Фотина Н.Э. Специфика средств внутренней диалогичности в прозе А. П. Чехова 1888-1894 гг. /О.А. Прохвятилова, Н.Э Фокина. // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2016, №2. С120-С128. URL: : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sredstv-vnutrenney-dialogichnosti-v-proze-a-p-chehova-1888-1894-gg> (Дата обращения: 29.03.2022).
5. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М : Языки славянской культуры, 2005. – 400с . – (Studia philologica).
6. Сухих И. Два скандала: Достоевский и Чехов // Семиотика скандала. Сборник статей. Редактор-составитель Нора Букс. Москва. Издательство «Европа», 2008. С.254-260.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7., М, 1978.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.8 М., 1978.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.9, М., 1978.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 томах, Т.
11. Письма 1877-1892. – М., 1963. 11.Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971 – 291с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой работы является специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова. Указанная проблема, на мой взгляд, актуальна, ибо работ тематически-смежного характера не так много. Следовательно, выбор темы оправдан, концептуальная составляющая налична. Работа имеет ярко выраженный научный характер, аналитическая составляющая превалирует в данном сочинении: например, «внутренняя речь изображается в прозаических произведениях с помощью разных репрезентологических единиц: прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Особое место в ряду способов передачи чужой речи

занимает несобственно-прямая речь. О.А. Прохвятилова указывает, что «несобственно-прямая речь – это особая форма передачи чужого слова в художественном тексте». В качестве примера можно привести эпизод из повести А.П. Чехова «Моя жизнь». Михаил, главный герой повести, без лишних слов, очень чутко понимает суть и причины душевных переживаний Маши...», или «суть принципа «текст в тексте» заключается в том, что происходит разрыв между реальностью и её авторским отображением в тексте, а следовательно и персональной картиной мира. В то же время данное противопоставление содержит идею о преодолении разрыва между субъектной позицией автора, отделенного от реальности, и окружающим миром. В заключительной части повествования автор через Машу Должикову выражает свою собственную позицию: «Искусство дает крылья и уносит далеко-далеко!», или «понятие внутренней речи относится к различным формам речевых процессов, которые происходят в уме персонажа в художественном произведении и не предназначены для коммуникации с реальным собеседником. Существует несколько форм, как можно представить внутреннюю речь, которые связаны с системой репрезентологических единиц. В эту систему входят прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Внутренняя речь персонажей характеризует собой то, что происходит в их умах и передается читателю в литературном произведении с помощью разнообразных приемов. Она является результатом трансформации, которая позволяет иллюстрировать психологическую природу персонажей и описать их мысли и чувства» и т.д. Работа аналитически выверена, терминологически точна, внутренняя логика исследования объективирована. Отмечу, что новизной данной статьи является беспринципный ориентир на языковую огранку текстов А.П. Чехова, точечный анализ внутренней речи персонажей с акцентом на правомерность и значимость высказываемых конструкций. Анализ языковых магистралей типологически достоверен, объективен, правомерен: например, это проявляется в следующих блоках: «первый способ представления внутренней речи персонажей в произведении не требует использования специальной языковой техники. Второй способ заключается в использовании специальных приемов, которые позволяют автору представить мышление своих персонажей в реалистичной манере», или «заметим, что не в каждом рассказе автор вводит внутреннюю речь персонажей, так как иногда не требуется выделять образ речи в качестве элемента характеристики персонажа. Например, в рассказах «В усадьбе» и «Попрыгунья» писатель практически не использует внутреннюю речь, но все же выражает мысли, чувства или действия персонажей через описание ситуаций, что предполагает подразумеваемую речь героя. Например: «Было стыдно. Раздевшись, он поглядел на свои длинные жилистые старческие ноги и вспомнил, что в уезде его прозвали жабой и что после всякого длинного разговора ему бывало стыдно...», или «вывод о том эмоциональном состоянии, в котором пребывает героиня во время разговора с Дымовым, можно сделать, обратившись к тем лексемам, которыми характеризуется ее речь: бормотала, недоумевала, ужаснулась, возмутилась и под. Семантика глаголов, вводящих внутреннюю речь, предстает маркером скандала в семейных отношениях. По определению Игоря Сухих, «скандал – нарушение обыденной, естественной логики, правил хорошего тона, однако, в свою очередь подчиняющееся другим нормам и тем самым становящееся культурным стереотипом и речевым жанром» и т.д. Целевая составляющая работы достигнута, поставленный спектр задач решен; материал, на мой взгляд, можно использовать при изучении творчества А.П. Чехова, специфики поэтики художественных текстов. Работа целостна, оригинальна, интересна, серьезная правка текста излишня. Финальный блок включает мысль, что «А.П. Чехов использует разнообразные способы передачи внутренней речи в своих рассказах, но основным является несобственно-прямая речь, которая предстает как во внутренних монологах и

диалогах персонажей, так и в простом реплицировании. Этот тип речи характерен для повестей и рассказов писателя, в которых повествование ведется от третьего лица, где граница между планом автора и персонажа размыта, что требует объединения и интерференции модусов во внутренней речи героя. Типичными лексемами, вводящими внутреннюю речь персонажей в рассказах А.П. Чехова позднего периода являются глаголы или устойчивые сочетания со значением мысли/чувства:: подумал (думал), недоумевал, спрашивал себя в отчаянии, убеждал себя, говорил себе, стала думать, в воображении, мелькнуло в ее мыслях и т.п.» и т.д. Считаю, то материал практически оправдан, основной ценз требований издания учтен. Статья «Специфика представления внутренней речи в семейном общении персонажей А.П. Чехова» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».